

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ
В ГЕРЦЕНОВСКОЙ ШКОЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

Научно-педагогическая школа русской диалектологии, основанная в Герценовском институте — университете профессором Надеждой Павловной Гринковой и ее ученицей профессором Верой Ивановной Чагишевой, является одной из старейших в России и в истоках своих связана с именами таких выдающихся ученых, как профессор Николай Михайлович Каринский, у которого Н. П. Гринкова училась в Женском педагогическом институте, академик Алексей Александрович Шахматов, который стал ее научным наставником в Петроградском университете в период подготовки к магистерским экзаменам, а также академик Алексей Иванович Соболевский, учеником и продолжателем научных идей которого был профессор Н. М. Каринский. Научное «родство по прямой линии» (академик А. И. Соболевский, академик А. А. Шахматов — профессор Н. М. Каринский — профессор Н. П. Гринкова — профессор В. И. Чагишева) определило основное направление исследовательской деятельности Н. П. Гринковой, В. И. Чагишевой, их учеников и последователей в Герценовском университете — диалектология и история русского языка.

Тесная связь диалектологии и истории русского языка — основная традиция герценовской диалектологической школы, заложенная её великими предшественниками. А. И. Соболевский считал русские народные говоры важным источником истории русского языка. А. А. Шахматов широко использовал современные диалектные данные для объяснения различных историче-

ских процессов в развитии русского языка. Все крупные диалектологи достигли существенных научных результатов в изучении истории языка. Труды Н. П. Гринковой по исторической лексикологии, В. И. Чагишевой по историческому синтаксису русского языка — убедительное подтверждение правомерности этого тезиса. «Живая старина» — так называют русисты современные русские народные говоры. Диалекты сохраняют многие языковые явления, утраченные литературным языком, или развивают такие особенности, которые не получили развития или развивались иным путем в литературном языке. Современным диалектам известны многие древнерусские слова, которые по тем или иным причинам либо вообще не отражены в старой письменности, либо представлены в ней единичными примерами. При отсутствии или недостаточности письменных свидетельств прошлых эпох современная диалектная речь русского народа является основным источником реконструкции древнерусского слова или его значения. Не случайно тема «Слова о полку Игоре», гениального памятника древнерусской литературы, стала «сквозной» исследовательской темой в трудах герценовской диалектологической школы и её предшественников.

Известно, что рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. Написанный в конце XII в., памятник был обнаружен лишь в более позднем списке (приблизительно XV–XVI вв.). Его приобрел в начале 90-х гг. XVIII в. у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монасты-

ря Иоилия Быковского известный коллекционер русских древностей, археограф-любитель граф А. И. Мусин-Пушкин. Однако в 1812 г. вся его коллекция (в том числе и сборник, содержащий «Слово») погибла в московском пожаре. До нашего времени сохранилось лишь первое издание этого памятника, осуществленное в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским, Н. М. Карамзиным, а также копия, снятая с рукописи «Слова» не позднее 1793 г., предназначавшаяся для Екатерины II и обнаруженная академиком П. П. Пекарским в 1864 г. в Государственном архиве среди черновых рукописей императрицы, собранных в нескольких фолиантах.

Первое издание было напечатано в сенатской типографии в Москве в количестве 1200 экземпляров, однако значительная часть тиража, который хранился в доме А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе, погибла вместе со всеми коллекционными собраниями графа. До нашего времени дошло примерно 70 экземпляров первого издания, в их числе два экземпляра хранятся в фундаментальной библиотеке Герценовского университета (чем мы чрезвычайно гордимся). Однако и екатерининская копия, и первое издание содержат многочисленные ошибки в прочтении «Слова», весьма затемнившие первоначальный текст памятника, и без того испорченный позднейшими переписчиками. Кроме того, «Слово», как и многие другие произведения древнерусской литературы, содержит немало гапаксов (от греческого *hapax legomena* — сказанное однажды), т. е. слов, употребленных только в нем и неизвестных другим древнерусским текстам. Все это значительно осложнило прочтение памятника, понимание отдельных его слов и фраз.

Первое издание «Слова о полку Игореве» незамедлительно вызвало целый поток разысканий лингвистического и историко-литературного характера. Так, например, не удовлетворенный переводом первых издателей 1800 г., свою интерпретацию текста «Слова о полку Игореве» предложил в

1805 г. писатель, ученый, государственный деятель А. С. Шишков. Предваряя комментарий, он так формулирует задачи своего труда: «слог» «Слова» «уже во многих местах почти непроницаемым покрыт для нас мраком», и поэтому «не столько предложение сей песни полезно, сколько основанное на вероятных догадках истолкование сомнительных или темных мест её <...>». А. С. Шишков постоянно сетует на неясность текста: «Каким образом все сии мысли и самые слова неясные истолковать и сообщить можно?» или (в другом месте) «Состав сей речи трудно разобрать» и под. [1]. Эти примеры (которые легко умножить) наглядно свидетельствуют, насколько сложным оказалось «Слово о полку Игореве» даже для просвещенных литераторов рубежа XVIII–XIX вв., что совершенно исключает саму мысль о возможности создания памятника в это время.

Напомню, что так называемые «скептики» не признают древности «Слова», считая его либо поздней (XVI в.) записью устного предания, либо — и чаще всего — созданием писателя XVIII в.

Сомнения в древности «Слова» возникли вскоре после его публикации в 1800 г. Основанием для сомнений явилось кажущееся его несоответствие уровню современной литературы, а также богатство, образность и прежде всего — непонятность его языка.

С 1800 г. начинается научное изучение «Слова о полку Игореве», ставшее в отечественной исторической филологии важнейшей, не прерывающейся более двух столетий традицией, в развитие которой, в частности, внесли немалый вклад представители герценовской диалектологической школы, начиная с ее великих предшественников.

Интерес к «Слову» академика А. И. Соболевского был устойчивым и непреходящим. Он исследовал структуру и композицию памятника, историю упомянутых в нем собственных имен и топонимов, вопрос о месте написания «Слова», занимался толкованием «темных мест» памятника на основе современных диалектных фактов. В трудах

академика А. А. Шахматова имеются замечания о влиянии «Слова о полку Игореве» на «Задонщину», об истории текста памятника и его жанре. Профессор Н. М. Каринский в работах, специально посвященных «Слову», привлек большой диалектный материал в обоснование гипотезы своего учителя академика А. И. Соболевского о псковском происхождении памятника.

По воспоминаниям Н. П. Гринковой, «Словом о полку Игореве» Н. М. Каринский «занимался долго и любовно, неоднократно проводил в Педагогическом институте спецсеминары по языку “Слова”, мастерски читая самый текст и глубоко и увлекательно анализируя как язык, так и художественный стиль этого замечательного памятника» [2]. Не случайно, что одним из самых значимых семинаров, которые вела Н. П. Гринкова, уже будучи профессором пединститута, был семинар по «Слову о полку Игореве».

В семинаре Н. П. Гринковой занималась в студенческие годы профессор Сакмара Георгиевна Ильенко, сохранившая о нем яркие воспоминания: «Он [семинар. — В. К.], безусловно, стоит того, чтобы о нем вспомнить. И потому, что весьма поучителен в образовательно-методическом смысле, и потому, что содержательно отражен в известной статье Н. П. Гринковой “О языке “Слова о полку Игореве”», получившей в свое время заметный резонанс в учительской среде... Если охарактеризовать подход к изучению “Слова”, осуществляемый в свое время проф. Н. П. Гринковой, в самых общих чертах, то его можно назвать историко-филологическим. Поражал размах предлагаемой проблематики и объем привлекаемых источников. Это не только самый текст и его переводы... но и фрагменты из Лаврентьевской летописи, ... Ипатьевской летописи. Привлекалась русская житийная литература, произведения Кирилла Туровского. “Слово” вписывалось также и в контекст мировой литературы... Проводилось сравнение “Слова” с “Задонщиной”, на которую великий памятник оказал несомненное влияние... Студенты должны бы-

ли осваивать и собственно исторический фон того и другого произведения: в одних случаях самостоятельно, в других — из лирико-исторических комментариев руководителя семинара. Трагическая история “Слова” может показаться своеобразным детективом (что в методическом плане соблазнительно использовать), однако в лингвистическом отношении сложный путь “Слова” к современному читателю сделал его уникальным средством филологического обучения ... Осмыслению всего этого “филологического океана” и посвящался семинар Н. П. Гринковой. Опубликованная на эту тему статья не могла отразить всего богатства затрагиваемых в семинаре проблем, но она наглядно демонстрировала методику изучения древнерусского памятника» [3].

В статье 1957 г. «О языке “Слова о полку Игореве”» [4] Н. П. Гринкова детально исследовала архаические черты языка памятника (в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики), отличающиеся от литературного языка нового времени и отражающие языковое состояние в Древней Руси, обстоятельно рассмотрела соотношение в «Слове о полку Игореве» книжных форм и форм, отражающих «живую разговорную речь», и охарактеризовала язык памятника как русский литературный язык XII в.

Статья «О языке “Слова о полку Игореве”», адресованная, по словам самой Н. П. Гринковой, учителям с целью помочь им в работе над языком памятника в средней школе, на самом деле выходит далеко за пределы собственно методических установок, являя собой образец научного исследования: никакой наукообразности, никакой умозрительности, только факты и емкие обобщения, сделанные на основе их тщательного анализа.

Ученица Н. М. Каринского и А. А. Шахматова, профессор Н. П. Гринкова была, как и ее учителя, ученым с разносторонними интересами, однако «главной наукой» для нее стала русская диалектология. Исследовательская убежденность в исключительной ценности народных говоров как неисчер-

паемого источника для изучения истории языка обусловила решение Н. П. Гринковой обратиться к лексикографическому описанию территории Брянщины. Плодотворная научная инициатива Н. П. Гринковой была реализована ее ученицей профессором В. И. Чагишевой.

Диалектолог и историк русского языка, профессор В. И. Чагишева оставила большое научное наследие, в котором особое, непреходящее значение имеют комплексное диалектологическое исследование уникальной в лингвистическом и этнографическом отношении территории Брянщины как русско-украинско-белорусского пограничья, а также создание миллионной лексической картотеки и работа над полным диалектным словарем обширного региона, где своеобразно переплелись исторические судьбы трех восточнославянских языков и народов: русского, украинского и белорусского. Это работа, в которую Вера Ивановна включила своих учеников, совпала с тем периодом истории русской диалектологии, когда в русистике с 1960-х гг. начала формироваться особая лексикографическая область — диалектная лексикография. Профессор В. И. Чагишева была в числе активных создателей этого нового направления.

Не могу не привести очень точные и выразительные слова С. Г. Ильенко: «Хочется назвать озарением идею Н. П. Гринковой (счастливого подхваченную и реализованную В. И. Чагишевой) выбрать в качестве объекта всестороннего исследования брянские говоры. Мысль дерзновенная, но в научном отношении благословенная» [5].

Действительно, географическое положение и историческая судьба Брянщины обусловили исключительную архаичность брянских говоров, сохранение в них таких явлений (на разных языковых уровнях), которые были присущи языку в далеком прошлом, но утрачены в настоящее время литературным языком и другими говорами.

Уникальная картотека «Словаря брянских говоров» и сам словарь явились мощным стимулом для развития в герценовской диалектологической школе с 1960-х гг. ши-

рокого круга исследований по истории русского языка, в том числе исследований по «Слову о полку Игореве».

Этот период совпал с новым этапом в обсуждении проблем подлинности и древности «Слова», который был открыт докладом видного историка Александра Александровича Зимина, прочитанным им в Пушкинском Доме весной 1963 г. В этом докладе и последовавших затем публикациях [6] А. А. Зимин выдвинул гипотезу, согласно которой «Слово о полку Игореве» представляет собой блестящую имитацию древнерусского памятника, созданную в конце XVIII в. образованным и талантливым богословом Иоилем Быковским. В своей работе, которую исследователи памятника безоговорочно признают как фундаментальную проверку на прочность традиционных представлений о времени создания «Слова», А. А. Зимин учел множество аспектов, среди которых (если иметь в виду собственно лингвистический ракурс) важное место занимают особенности языка и стиля, взаимоотношения книжной и народно-разговорной стихий в «Слове о полку Игореве». Именно язык памятника вызвал наиболее многочисленные споры в развернувшейся дискуссии. С одной стороны, написанные как ответ А. А. Зимину работы по сравнительному анализу «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», «Слова о полку Игореве» и памятников русской литературы XI–XIII вв. со всей очевидностью показали безусловную древность языка «Слова», соответствие его грамматики и образно-семантической структуры языку XII–XIII вв., с другой стороны — многие лексические пласты «Слова», на которые обратил внимание А. А. Зимин, видя в них свидетельство позднего происхождения памятника, тем не менее, действительно требовали для своего объяснения новых данных.

Между тем круг сравнительного изучения языка «Слова о полку Игореве» к этому времени как бы замкнулся, сравнительный материал (все дошедшие до нас письменные памятники и все известные произведения фольклора) оказался исчерпанным.

Остро встала задача поиска новых сопоставительных материалов, которые бы восполнили имеющиеся пробелы. Таким новым и вполне надежным источником сравнительного изучения языка памятника (прежде всего — словарного состава) стали современные русские народные говоры.

Идея фронтального сопоставления словарного состава «Слова о полку Игореве» и лексики современных русских народных говоров принадлежит профессору В. И. Чагишевой, которая в 1965 г. впервые обратила внимание на то, что в изучаемых ею брянских говорах содержатся словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве», которая либо вообще не встречается в других памятниках (так называемые гапаксы), либо представлена в них единичными примерами. Это было очень важным наблюдением, поскольку именно гапаксы, подлинные или мнимые, являются одним из главных оснований для сомнений в древности и подлинности «Слова о полку Игореве». Поэтому поиск лексических аналогов к «Слову о полку Игореве» в других источниках (в памятниках древнерусского языка, в фольклоре и т. д.) всегда оставался первоочередной задачей, а отыскание новых аналогов в новых источниках (в данном случае в брянских говорах) являлось несомненной исследовательской удачей.

Эти уникальные находки привели В. И. Чагину к идее не выборочного (как это было прежде), а по возможности полного диалектологического комментария текста «Слова о полку Игореве», так как лишь таковой позволяет рассмотреть в полной мере взаимоотношения лексики памятника с лексикой русских народных говоров. Реализовать эту идею Вера Ивановна поручила своему ученику — автору этих строк.

С 1967 г. начался целенаправленный поиск в живой народной речи словарных соответствий к лексике «Слова», которая не сохранилась в современном русском литературном языке. Основным источником для выявления такого рода параллелей послужили полевые записи автора во время специальных диалектологических экспедиций

в Брянскую область (т. е. на ту территорию или сопредельную той, где происходили описываемые в «Слове» события), а также материалы всех русских диалектных картотек и словарей. В результате обнаружены соответствия к 150 словам памятника (т. е. почти к каждому шестому слову); из них большую часть составляют параллели к тем словам (их 90), которые, кроме «Слова о полку Игореве», более нигде не отмечены или редко употребительны в иных памятниках [7]. Каковы основные итоги полного диалектологического комментария текста «Слова о полку Игореве»? Что дало расширение сравнительного изучения лексики «Слова о полку Игореве» за счет использования данных современных русских народных говоров?

Во-первых, удалось значительно обогатить ту фактическую базу, на которой основывается толкование текста памятника (прежде всего, его «темных мест»). Диалектные материалы, привлеченные к комментарию лексики «Слова», позволили уточнить, дополнить толкование, дать иное объяснение отдельных слов и выражений памятника, а в некоторых случаях по-новому прочесть текст «Слова о полку Игореве».

Во-вторых, прояснен вопрос о месте написания «Слова о полку Игореве». По этому поводу высказывались самые разные предположения. Существовали мнения о галицком, киевском, псковском происхождении автора «Слова о полку Игореве». Первым, кто поставил вопрос о месте написания «Слова» как научную проблему, был профессор кафедры русского языка Ленинградского университета Никита Александрович Мещерский, плодотворно сотрудничавший с герценовской кафедрой русского языка. Н. А. Мещерский считал, что памятник связан с Черниговской и Северской землями (предположение сделано на основе наблюдений над отдельными словами памятника, в какой-то степени окрашенными диалектным употреблением) [8].

Разыскания, выполненные в герценовской диалектологической школе, предоста-

вили возможность дать полную, а не выборочную территориальную характеристику лексики памятника. Выявленные диалектные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» явно тяготеют к южнорусскому ареалу: подавляющее большинство параллелей (примерно 95%) известно южнорусским говорам. При этом 40% всех параллелей отмечено *только* в южнорусских говорах и 25% — *только* в брянских. Локализация обнаруженных диалектных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» на современной территории, в прошлом входившей в пределы Черниговского и Северского княжеств, со всей очевидностью подтверждает гипотезу о чернигово-северском происхождении автора «Слова о полку Игореве».

В XII в. Черниговское княжество занимало обширную территорию, относящуюся сейчас к Черниговской, Сумской, Брянской, Орловской, Калужской и Тульской областям. Крупнейшими центрами Черниговского княжества помимо Чернигова (современного областного центра) были Новгород-Северский (ныне — город в Черниговской области), Вщиж, Трубчевск, Стародуб, Брянск, Карачев (населенные пункты современной Брянщины), Курск (ныне — областной центр Курской области).

Андрей Юрьевич Чернов, ученый, поэт, переводчик, размышляя над нашими материалами, задался вопросом: почему именно брянские говоры дают «столь оглушительный материал» для комментария «Слова», почему в других русских диалектах не найдено ни одной *уникальной* параллели к лексике «Слова»? Ответ, по мнению А. Ю. Чернова, очевиден: дело не в том, что брянские говоры сохранили редкие слова и выражения, встречающиеся лишь в одном древнерусском памятнике — «Слове о полку Игореве», а в том, что автор «Слова» употребляет слова и сегодня известные брянским говорам (в том числе уникальные), потому что многие годы жил во Вщиже. А. Ю. Чернов имеет в виду вщижского князя Владимира Черниговского, сына Святослава Киевского. Владимир Свято-

славович не менее десяти лет жил во Вщиже (сейчас это село на Брянщине, в последней трети XII в. — территория Черниговского княжества), и вщижский престол перешел к его сыну. А. Ю. Чернов обстоятельно аргументирует свою гипотезу; второе по значимости место в его аргументации занимают брянские материалы [9].

В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), наличие современных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в русских народных говорах свидетельствует об органической связи словарного состава памятника и народных говоров и является еще одним подтверждением древности и подлинности памятника.

Действительно, если не вдаваться в детали различных вариантов скептического взгляда на «Слово о полку Игореве», то (с некоторой долей упрощения) можно сказать, что в основном он сводится к следующему утверждению: то, что в «Слове о полку Игореве» находит параллели в других источниках (прежде всего в письменных памятниках), заимствовано из этих источников, а то, что не находит параллелей в других источниках, — плод фантазии мистификатора.

Возникает закономерный вопрос: откуда мог «заимствовать» пресловутый мистификатор те лексико-фразеологические элементы, которые, кроме «Слова», нигде не зафиксированы и обнаружены лишь в современных русских народных говорах? Каким образом ему стали известны те диалектные материалы, сведениями о которых лингвисты стали располагать лишь в XIX–XX вв. (а многие из которых до настоящего времени вообще отсутствовали в научном обороте и введены впервые)? Остается сделать еще одно невероятное допущение, что наряду с феноменальной начитанностью в древнерусских памятниках фальсификатор обладал отличным знанием народных говоров разных территорий. Именно тот факт, что постоянно обнаруживаются все новые и новые параллели к единичным, уникальным словарным элементам «Слова», является самым убедительным доказательством подлинности памятника. Академик Дмитрий

Сергеевич Лихачев по этому поводу пишет: «Удивительно, как легко шел текст “Слова” навстречу своим комментаторам. Такое положение было бы абсолютно невозможно с текстом фальсификата» [10].

К настоящему времени споры «у подножия великого памятника» утихли. Надолго

ли? Вспоминаются слова Д. С. Лихачева: «Никто никогда не спросит, фальшив ли лежащий на дороге булыжник, но жемчуг может показаться фальшивым» [11]. Неужели «Слово о полку Игореве» обречено на вечные сомнения, вызванные его драгоценным блеском?

Примечания

1. Цит. по изд.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. Т. 5. С. 235–236.
2. Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева / Авт.-сост. С. Г. Ильенко, В. А. Козырев, В. Д. Черняк; Под общ. ред. Г. А. Бордовского и В. А. Козырева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 48–49.
3. Там же. С. 65–67.
4. Гринкова Н. П. О языке «Слова о полку Игореве» // Изучение языка писателя: Сб. статей / Под ред. Н. П. Гринковой. Л.: Учпедгиз, 1957.
5. Герценовская школа русской диалектологии... С. 61.
6. См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 225. См. также: Зимин А. А. Слово о полку Игореве / Ред. В. Г. Зимины и О. В. Творогов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2006.
7. См.: Козырев В. А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры: Сб. науч. ст. / Ред. В. И. Чагишева. Л., 1975. Вып. 3; Семантическая реконструкция древнерусских слов как один из путей к воссозданию языкового состояния в Древней Руси // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст., посвящ. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005; и др. См. также: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 58–60.
8. См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 246–249.
9. Чернов А. Ю. Хроника изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Изд-во «Вита Нова», 2006. С. 201–209, 249 и др.
10. Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 39.
11. Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? (Вопрос его подлинности) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Ист.-лит. очерк. М.: Просвещение, 1976. С. 147.